

Эта автобиографическая повесть, являющаяся продолжением книги «Дневник счастливой женщины», возвращает читателя в детство героини, в послевоенные голодные годы. Книга состоит из пяти глав, предисловия и послесловия, а также документального приложения. Хорошо оформлена, на добротной бумаге, в переплёте. Снабжена рисунками О. Жаворонкова и иллюстрациями с картин художника А. Пластова. В повести использованы стихи, песни военных лет, частушки, пословицы и поговорки. Книга посвящена участникам войны и труженикам тыла, павшим и живым. Читатель переносится в Вологодчину, в быт большой крестьянской семьи (семеро детей), живущей в деревне Пустошново Междуреченского района Вологодской области. Антонина Головина с этнографической точностью воспроизводит жизнь крестьян в 40-е годы прошедшего столетия. Обрисовано местоположение деревни, её леса, река, близлежащие деревни с остатками дворянских усадеб. Автор любит свой край, её поля с пахучим разнотравьем, птицами и насекомыми, её деревья, особенно осину – ей посвящена целая страница. А как поэтически образно воспето поле голубого льна: «В нём неброская ситцевая красота суровой северной природы и чистые голубые глаза русских детей и глаза умудрённых стариков... это будто голубое озеро-море без воды». «Как удивительно всё в природе, всё взаимосвязано и целесообразно», – пишет автор.

Подробно описан быт деревни из 47-ми домов с церковью и погостом неподалеку. Свой красивый дом Антонина Головина

описывает детально, любовно – и внутреннее убранство, и хозяйственные помещения, и скотный двор. Для изображения автор использует забытые сейчас слова, которые можно найти в специальных словарях. Жаль, что они не всегда поясняются: *прясло, матица, лапти, корчага, валёк, рубель, трепало, полати, поветь, курья, загнетка, ухват, сальники, жито, суслоны, пестерь, рядно, гать* и много других. Можно порекомендовать автору в конце книги дать мини-словарь этих забытых слов.

А дальше, в диалогах, мы слышим замечательный певучий северный окающий говор вологодских крестьянок, уже почти ушедший из речи: пощё, витёр-то, баушка, дедушко, лонись грибов былО в лесу! Ванька, Лидька, Галька, пОйдем-ОткО завтра на бОлОтО, надО-ткО, гли-кО, сколько я намени картошки-тО наспазгала, лешОй, лешОй, сОтОна! Вот это настоящая древняя русская речь!

А как подробно воссоздан быт деревни, её дома, подворья, скотина! Крестьянская изба с большой русской печью, полатями, на которых умещалась многочисленная детвора. С какой любовью к родным местам описывает автор занятия детей: купанье в реке, ловлю раков, рыбы, походы за грибами и ягодами, помощь взрослым на сенокосе и жатве, различные игры тех лет: в городки, в лапту, в классики и, конечно, в войну, которая только что закончилась.

В книге подробно нарисованы картины жизни сельских жителей: свадьбы, вечерние посиделки, христианские (Рождество, Крещение, Пасха, Троица) и позднее советские праздники (7 Ноября, 1 Мая), а также тяжёлый крестьянский труд. А это – труд женщин в годы войны. Почти все мужчины на фронте. И женщина «и щвец, и жнец, и на дуде игрец», как говорится. «Из мужиков только инвалиды да пастух Иван, деревенский дурачок, которого зимой содержат всей дерев-

ней: он переходит от двора ко двору, выполняя простую крестьянскую работу: отгрести снег, наколоть и принести дров в избу». Я из своего детства тоже помню такого юродивого Витю, калеку, который приходил к нам в барак и в коридоре громко говорил: «Подайте Христа ради милостыню!» И моя мама говорила мне: «Иди, твой Витя пришёл». И я с радостью всегда выносила ему кусок хлеба. Он почему-то только хлеб брал.

Особенные строки, страницы книги о МАТЕРИ. Святая женщина Екатерина Васильевна – мать Антонины Головиной! Подняла шестерых дочерей (муж и 17-летний сын ушли на фронт) практически без отца. Придя с фронта, отец семерых детей уходит к другой, молодой женщине. Без слёз нельзя читать страницу, где по суду, при разводе, отцу предложили взять хотя бы двух дочерей на воспитание. Он был председателем колхоза, жил безбедно, а семья еле-еле сводила концы с концами.

«Моё маленькое сердце разрывалось от горя, – пишет Антонина Григорьевна, – что моя мама, такая сильная и большая, плачет, а я ничем не могу помочь ей и защитить. Через месяц сёстры убежали от сытой жизни, принесли нам маленький мешочек с зерном, который они потихоньку взяли у отца, сказав, что никогда не вернуться туда, а лучше умрут вместе с нами».

Страницы автора о своей семье, а особенно о матери, пронизаны такой любовью, такой лаской! «Мама – это моя ВСЕЛЕННАЯ» – так называется первая часть первой главы книги. «Вот мама сидит за столом и штопает одежду... Вот мама ведёт меня по мосту через речку Шингарь... Вот мы с мамой на плоту: лучим рыбу... Мама водила меня в леса и луга, приучая к сбору грибов и ягод, и это перешло у меня в

большую любовь к родной природе». Мама открывает мир своей дочери, всем своим детям.

«Ах, эти мамины руки, они не сравнятся ни с чем, даже с крыльями, как пела Клавдия Шульженко. Они умели всё: сеять из лукошка жито и убирать его серпом, теревить лён и мять его ручной мялкой и длинными зимними вечерами сидеть за прялкой, а затем ткать холст на рубашки, полотенца, вязать носки и варежки, делать игрушки из коровьей и овечьей шерсти, выделывать кожи на яловые и хромовые сапоги... Не перечислить всего того, что умела делать мама-хозяйка, мама-крестьянка, мама-колхозница. Она умела жарить, варить, парить и печь чисто русские блюда в русской печке: сальники, картошку в сливках, кислые щи, топлёное молоко, всевозможные каши, пироги, кулебяки. По маминым рукам мы могли определить многое. Ах, как они были веселы и подвижны на работе и у печки, когда еда была в доме. С каким восторгом мы смотрели на них! Блины так и отлетали от сковородки...».

«Памятники надо ставить нашим матерям. И не измерить – кому было тяжелее – на фронте мужчинам или в тылу женщинам».

Социальная направленность повести очевидна. Все тяготы военных лет описаны достоверно и точно:

...весной надои маленькие, и всё молоко сдавали государству за налоги и госзаймы...

...построить новую баню в деревне было некому, деревня осталась без мужиков, потому печи в домах клали огромными – а вдруг придётся в них мыться (о мытье в такой печи рассказывает автор).

Последняя глава повести «Учительница первая моя» посвящена школе, одноклассникам и дорогим учителям, «стараниями, трудами и подвижничеством которых военное

и послевоенное детство вспоминается как счастливое, неповторимое и незабываемое».

«Мы, дети войны, не ощущали остроты этого вселенского горя и трагедий войны. Мы были счастливы, даже недоедая и недопивая, бегая босиком до самого снега, радуясь жизни и солнцу, как и все дети земли, бедные и богатые, городские и деревенские.. Дети села и деревни росли в труде, помогали родителям в домашнем хозяйстве и колхозе и не считали это повинностью, а просто естественной жизненной необходимостью, учились спокойно относиться к жизни, принимая её такой, какая она есть».

Критические замечания касаются не очень доброкачественной корректуры повести и документального приложения, почему-то датированного январём 2009 года. Необходимо сгруппировать, сократить, убрать повторения, расчленить на абзацы. Оно несколько выбивается по стилю из всей книги, написано нервно, взволнованно. Это и понятно. Книга Памяти – это волнующие строки о погибших на полях жесточайшей войны, это горестная статистика. Здесь названы фамилии погибших родственников и односельчан, здесь горечь от того, что ещё тысячи имён неизвестны, что «ещё сотни тысяч наших защитников лежат непогребёнными в лесной глуши и болотных топях, заваленных и засыпанных окопах, блиндажах и землянках и числящимися пропавшими без вести». Более 5-ти тысяч междуреченцев защищали Родину с оружием в руках, из них 3,5-ой тысячи пали смертью храбрых на полях войны. «Поклонимся им до земли», – пишет автор.

Свою замечательную, умную и мудрую книгу Антонина Головина написала к 75-летию Великой Победы над фашистской Германией и, как оказалось, к своему юбилею, с чем мы её сердечно поздравляем.